

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ



ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ЕВГЕНИЕМ ИВАНОВИЧЕМ ГОЛОВАХОЙ

Доктор философских наук профессор Евгений Иванович Головаха — один из ведущих украинских социологов. Заместитель директора по научной работе Института социологии Национальной академии наук Украины, заведующий отделом социально-политических процессов этого института, а также бессменный главный редактор украинского социологического журнала «Социология: теория, методы, маркетинг». Признанный академический ученый, автор более 400 научных работ, Головаха хорошо известен в украинском интеллектуальном сообществе и как автор ряда шуточных и критических произведений (например, «Психология и другие смешные науки. Альтернативный словарь», «Альтернативная философия. Словарь для неслужебного пользования. А-Я»).

Евгений Иванович занимает активную общественную позицию, часто выступает в СМИ с анализом результатов социологических исследований украинского общества. Пожалуй, Е.И. Головаха — один из самых ярких «публичных социологов» на постсоветском пространстве. Можно сказать, это украинский вариант той модели современного социолога, которую широко пропагандирует президент МСА американский социолог М. Буравой.

— Евгений Иванович, без преувеличения можно сказать, что сегодня российские коллеги назовут ваше имя первым, если спросить их о современных украинских социологах — несмотря на то, что вы в последнее время

не часто бываете в России. И хотя ваши последние работы больше публикуются на Украине и в дальнем зарубежье, чем в ближнем, ваши идеи и взгляды известны благодаря Интернету, личным профессиональным контактам ученых, международным проектам с вашим участием. Расскажите, пожалуйста, о себе, о своем пути в социологию.

— Я бы не назвал себя изначально социологом, так как не сразу пришел к этой профессии. Я родился в 1950 г. в Киеве в семье философов. Мои родители оба закончили МГУ. Мой отец, профессор Иван Петрович Головаха, работал в Киеве заведующим кафедрой философии Академии наук УССР. Таким образом, мой жизненный путь был в целом предопределен: я пошел по стопам своих родителей, решив стать ученым. С детских лет я постоянно слышал дома философские дискуссии и к концу учебы в средней школе настолько пресытился ими, что решил выбрать для себя что-то другое. Я решил поступать на факультет психологии МГУ. На мой взгляд, психология находится на стыке естественных и социальных дисциплин, поэтому она позволяет получать верифицируемые результаты, что меня и привлекало. Так что мое становление как ученого-психолога начиналось в Москве. После окончания МГУ в 1972 г. я вернулся в Киев и работал в институте философии НАН Украины, занимаясь разработкой проблем социальной психологии (групповой деятельности и др.). В 1977 г. я защитил там кандидатскую диссертацию на тему «Структура групповой деятельности: социально-психологический анализ», а в 1990 г. — докторскую («Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи»).

В 1990 г. из Института философии выделился в самостоятельную структуру Институт социологии, куда я перешел и где работаю в настоящее время. Таким образом, я и психолог, и социолог.

— *Вы несколько преуменьшили свою роль в становлении Института социологии. Ваши коллеги считают, что вы были одним из главных инициаторов его создания, приложили много усилий к тому, чтобы он не только появился, но и успешно развивался, собственно, вы — один из родоначальников украинской социологии, инициатор знаменитых теперь украинских мониторинговых исследований.*

— Ну, об этом не мне судить. Создание института социологии представлялось объективно необходимым, и я действительно активно участвовал в этом процессе.

— *Какую из своих работ вы бы выделили как главную для советского периода своей деятельности?*

— Повторюсь: свой научный путь я начинал как психолог. Меня занимали проблемы социальной психологии. Вместе с моим коллегой по институту Александром Кроником мы разработали новый метод и концепцию каузометрии. Мы познакомились, когда были еще младшими

научными сотрудниками. Я учился в МГУ, а аспирантуру закончил в Киеве, Кроник — наоборот. В Институте философии мы оказались в одном отделе — философских вопросов психологии. Я занимался групповой психологией, он — межличностным оцениванием. Вообще мы занимались с ним социальной психологией: его интересовало изменение психологического возраста, меня — проблема движения, времени. Мы решили, что нам надо создать свою концепцию того, *как измерять психологическое время и психологический возраст как производный возраст времени* (возраст измеряется временными координатами). Это было не так просто — к этому мы шли два года. Первая публикация называлась «К мотивации жизненного пути личности. Техника каузометрии». Вообще-то создание методики было долгим процессом — исследования, анализ, написание статей (их было более десятка), наконец, книга «Психологическое время личности» (1984).

— *Получается, что двое молодых ученых совершили научное открытие — разработали оригинальную методику измерения психологического возраста людей. В чем состоит сущность предложенного вами нового метода?*

— Суть каузометрии состоит в измерении психологического времени и психологического возраста личности. Собственно говоря, каузометрия позволяет человеку анализировать свою жизнь, делать ее насыщенной в настоящем, что зависит от нашей оценки своего прошлого и перспектив на будущее. Таким образом, люди учатся преодолевать жизненные кризисы, бороться с собственной нереализованностью.

— *Насколько метод каузометрии оказался востребованным в науке и практике того времени?*

— Хотя каузометрия была создана в 1980 г., только после выхода книги она привлекла внимание ученых и практиков, и не только. О нашем методе сняли два документальных фильма: «Интервью с собой» на «Киевнаучфильме» (режиссер Вячеслав Прокопенко) и «Стрела времени» — на Горьковской киностудии (режиссер Юрий Беспалов). Беспалов снимал полнометражный фильм о времени, и большая часть его была посвящена психологическому возрасту.

В эти же годы каузометрия стала очень популярной. Метод работал для измерения времени, исследования жизненного пути человека, потом у него открылись возможности корректировать отношение человека к своему жизненному пути: его начали применять психотерапевты и делают это и сейчас и очень успешно, как показывают выступления ученых на международных научных конференциях, публикации.

— *Какова судьба вашего открытия? Что стало с методом каузометрии после развала СССР?*

— Сегодня этим методом пользуются многие психологи и социологи. Очень интересна работа санкт-петербургских ученых (М. Черныше-

вой, Ю. Степановой, Т. Войт и других), которые работали с осужденными в колонии строгого режима — убийцами, бандитами. Психологи пытались помочь им найти новый путь после выхода на свободу. Кстати, эта работа получила высшую премию российской ассоциации психологов, потому что они не только изучали жизненный путь осужденных, но и реально корректировали его — это давало свои результаты. Есть интересные исследования, проведенные в психиатрических клиниках, где специалисты работают с людьми, страдающими невротами или депрессией. Мой соавтор Александр Кроник работал с украинскими подростками, которые пострадали от аварии на ЧАЭС, помогал им справиться с кризисом. Сегодня он работает в США клиническим психологом. Его пациентами теперь являются старики, которых он учит строить жизненную перспективу в этом возрасте, чтобы они хотели прожить до 100 лет и видели при этом смысл жизни.

Так что меня радует, что у нашего метода было и есть практическое применение. Он и сегодня помогает людям, особенно молодым, преодолевать кризисные проблемы, дает человеку инструмент работы с собственной жизнью. О значимости нашей с Кроником книги говорит и ее переиздание в 2008 г. Это подтверждает востребованность наших идей и метода каузометрии. Мне очень приятно, что в 2009 г. наша работа получила престижную премию «Золотая Психея» как победитель конкурса на лучший психологический проект года в России.

— *Чем данный метод может помочь сегодня гражданам постсоветских стран? Можно ли его использовать не только в работе с лицами отклоняющегося поведения?*

— Метод позволяет проводить коррекцию личности, т. е. помогает любому человеку посмотреть на свою жизнь, переоценить прошлое, построить будущее и тем самым создать себе полноценное настоящее. Этим каузометрия важна для постсоветских граждан, многие из которых чувствуют себя потерянными в новых условиях. Согласно нашей концепции, настоящее — это совокупность связей между прошлым и будущим. Насыщенность настоящего определяется насыщенностью этими связями. Если человек живет только в прошлом или только в будущем, то у него нет настоящего. А человек, который не живет в настоящем, ощущает кризис. Я убежден, что люди должны сами работать со своей жизнью — и тогда они смогут выстроить ее, не ожидая помощи от внешних сил, от власти, например.

— *Ваша последняя фраза представляется особенно интересной в свете последних политических событий, когда граждане повсеместно (включая постсоветские страны) выражают протест против тех или иных решений властей, проявляют недоверие по поводу результатов выборов, других решений на высоком уровне. Считаете ли вы, что граждане постсоветско-*

го общества слишком многого ожидают от властей, перекладывая на них решение собственных проблем?

— В нашем обществе большинство людей постоянно ожидают, что новая власть сделает жизнь лучше, а сами ничего не делают, чтобы изменить эту жизнь! Пусть работают сами со своей жизнью — это мое твердое убеждение — и тогда выстроят ее себе, потому что власть ничего не сделает. Если надеяться на то, что придет Тимошенко, Ющенко или Янукович и тебе все даст — ничего не будет. Такие надежды не позволяют людям построить собственную жизнь и стать реалистами. Если мы не научимся брать на себя ответственность за свою жизнь, мы дальше будем требовать от власти сделать нас счастливыми, а сами будем несчастными.

— Давайте вернемся к вашему жизненному пути в науке. Какие работы уже в постсоветский период, за последние двадцать лет вы можете выделить?

— Мне самому трудно сказать, какие из них больше достойны внимания, а какие меньше. Но сделано было очень многое. На мой взгляд, самые лучшие из моих работ были написаны в соавторстве с Натальей Викторовной Паниной, моей супругой. Это прежде всего книги «Социальное безумие: история, теория и современная практика» (1994) и «Психология человеческого взаимопонимания» (1990, 2002), а также многочисленные доклады по результатам наших мониторинговых исследований.

Кроме книг, мы написали совместно огромное количество статей, многие из которых были напечатаны в США, Германии, Нидерландах, Англии, Швейцарии, Венгрии, Израиле и других странах мира. Могу еще отметить мою монографию «Трансформирующееся общество» (1996). В ней сделана попытка проанализировать новые социальные феномены, которые возникли в результате пережитых постсоветским обществом колоссальных, я бы сказал, даже тектонических сдвигов. Многие новые явления ставят социологов в тупик, т. к. были совершенно неизвестны ранее, и необходимы корректные методики для их изучения.

В 2001 г. была издана «Социологическая публицистика». Это другое, но не менее важное направление моей работы. Вообще я много пишу, много работаю и не только для узкопрофессиональной научной среды, но и для широкой общественности, для читающей публики, можно сказать.

— Кстати, о публицистике. Вы действительно постоянно печатаетесь в общественно-политических изданиях, например, в общественно-политической газете «День», выходящей на двух языках в Киеве, в очень популярном еженедельнике «Зеркало недели». А правда, что вы автор еще и многих юмористических книг?

— Без юмора и самоиронии в нашем обществе трудно прожить. Я постоянно нахожу ситуации, которые сами просятся в ироничные книги, а их больше читает студенческая молодежь, чем серьезные ученые. Это своеобразное отвлечение, хотя все же связанное с наукой. Могу назвать, например, книги «Психология и другие смешные науки», «Альтернативный социологический словарь», «Альтернативная философия. Словарь для неслужебного пользования. А-Я». Некоторые выходят на двух языках. Многие афоризмы разошлись в научном и околонучном сообществе. Например, такие: «Время — скоротечная форма вечности», «Знание — единственное богатство, которое никто не способен отнять у его обладателя», «Правда — истина, которую так хочется высказать, как не хочется выслушать»...

— *Могли бы вы выделить самые важные вехи в своей жизни (личные и общественные), то, что особенно повлияло на вас?*

— Главной вехой в моей жизни во всех ее измерениях была моя супруга Наталья Панина. Мы познакомились в годы нашей учебы в МГУ, вскоре поженились и не расставались вплоть до ее преждевременной смерти в 2006 г. Без нее моя жизнь никогда бы не была такой, какой была с ней. Это была обаятельная женщина, умный человек и бескорыстный друг, необыкновенно серьезный ученый. Я вообще считаю, что мораль и творческий дух мужчины определяются нравственной силой женщины, которая его выбирает. Мне очень повезло, что такой необычайно талантливый человек, как Наталья Панина, встретился мне в молодости и связал свою жизнь с моей. Я всегда находился под ее возвышающим личностным влиянием. Между прочим, Наталья — прекрасный пример связи между Россией и Украиной. Будучи русской, она приехала на Украину, выучила украинский язык, стала полноценным украинским ученым и не только глубоко изучала проблемы украинского общества, но и очень много сделала и для социологии как науки, и для развития социологического образования в нашей стране.

Теперь мой долг — сохранить ее память, ведь она всю жизнь посвятила развитию украинской науки. В Киеве уже создан Социологический центр имени Н.В. Паниной. Совместно с В.И. Паниотто и Н.Н. Чуриловым мы инициировали под эгидой этого центра национальный конкурс памяти Н. Паниной «Лучший молодой социолог года», с 2007 г. конкурсная комиссия отбирает лучшие работы, авторы которых получают награды, а их работы публикуются в научных изданиях. Я надеюсь, украинская научная молодежь также будет вдохновляться образом Н.В. Паниной, ее научной логикой, объективностью, систематичностью, творческим подходом к исследованию.

— *А как на вас лично повлиял распад СССР и разделение по «национальным квартирам», вызвавший, среди прочего, и распад прежних научных связей?*

— Как ученый я уже отметил необходимость глубокого исследования совершенно новых социальных феноменов, порожденных распадом страны и последующими явлениями. Как гражданин Украины я бы сфокусировался не на распаде СССР как на свершившемся факте, а на последовавшем за этим сложном процессе становления независимых государств. В этом отношении из общественных событий, сильнее всего повлиявших на мою жизнь, я бы первым назвал становление демократической Украины как независимого государства. Это очень важный период и в жизни каждого человека, и государства в целом.

— *Вы в принципе без излишней драматизации высказались о распаде СССР и последующем развитии постсоветских стран, прежде всего Украины. Как в целом вы относитесь к результатам независимого развития Украины в политической сфере? Что уже достигнуто?*

— Начавшийся после 1991 г. процесс демократизации Украины, конечно, еще не закончен, он идет трудно и противоречиво. Мы до сих пор не живем в полностью демократичной стране, поэтому критически относимся к власти и самому обществу. Однако сегодняшнее украинское национальное государство, со всеми его минусами, — это необходимый этап становления, благосостояния, культуры и развития этноса. Я отношусь к нему как к условию, которое открывает перед Украиной (а значит, и перед украинской социологией) перспективу развития. Поэтому независимость — важнейшая веха в нашем развитии.

— *Что бы вы сказали об украинском обществе как гражданине, как публичный человек — какие его достижения особенно важны для его будущего развития?*

— Первое — у нас в стране сохраняется социальный порядок. Второе — у людей еще есть шансы для самореализации, можно основать какой-то бизнес, все желающие могут свободно уехать из страны. Хотя украинцы считают себя самыми несчастными в Европе, все-таки у нас счастливых людей больше, чем несчастных. То есть основанием для оптимизма являются определенные демократические свободы и социальный порядок. Третье — у нас правильные декларируемые цели: стать европейской страной, правовым, социальным государством. А то, что этого нет в реальности, и является тем стимулом, который заставляет двигаться дальше. Будущее во многом зависит и от таланта политиков, которые приходят к власти, но и от самих людей, то есть каждого избирателя, который пока еще выбирает власть. Пусть люди сами думают и решают, кого им выбрать.

— *А как бы вы как ученый, изучающий социально-политические процессы в стране, назвали тот строй, который создает на Украине нынешняя власть?*

— При Ющенко была управляемая охлократия: «Когда понадобится народ, то вызовем». Но народ сейчас не вызывается. Сейчас трудно назвать происходящее одним словом. Но если подумать... Наверное, неокучмизм. Потому что есть единый арбитр Янукович, остальные отстаивают свои интересы. И он следит, чтобы это было равномерно. При таком режиме вряд ли можно ожидать успешных реформ, ведь они должны продвигаться изнутри, а не под внешним давлением МВФ, ЕС или других международных организаций.

— *Сегодня, когда уже несколько лет подряд Запад снижает рейтинги оценки развития демократии в Украине, многих волнует вопрос: может ли в стране возродиться авторитаризм?*

— Авторитаризм в условиях относительной демократии, которая есть в нашем обществе, может быть построен только самим обществом. У нас есть относительно свободные и при этом достаточно влиятельные СМИ. Свобода слова, хоть и относительная, есть. У нас пусть слабо развитая, но демократия. Меня, например, никогда не цензурировали. Я во все времена в прямом эфире мог сказать все, что хотел. Правда, иногда меня не приглашали на эфир. В условиях такой относительной демократии только само общество может выбрать авторитарных лидеров. Я всегда говорил, что классического авторитаризма в Украине не будет долго, но никогда не считал, что она от него застрахована. Следующие выборы покажут, насколько украинское общество зрелое.

— *Если следовать логике вашей мысли, то напрашивается вывод, что никакие политтехнологи, включая зарубежных, не могли подтолкнуть Украину к «оранжевой революции», точно так же как и не смогут навязать ей (или другой постсоветской стране) авторитаризм извне, так? Украинское общество само созрело для перемен в форме оранжевой революции в 2004 г., тогда как соседние с Украиной страны (например, Беларусь) не готовы к «цветной» революции, т. к. не сформированы условия в самих этих странах?*

— Успешные политические перемены возможны, когда они назрели именно в самом обществе. Ничего нельзя сделать, если общество к ним не готово. Ни один политтехнолог и никто ничего не сделает, если возможности отсутствуют. А если общество уже критически настроено, то тогда можно воздействовать на массовую психологию, можно усилить некоторые тенденции с помощью некоторых приемов, политтехнологий, можно раздавать деньги, можно создавать структуры, подпитывая все эти настроения. Но если нет почвы, то ничего не вырастет. Нужно развивать гражданское общество. Естественный путь создания гражданского общества связан с реформированием. И реформы должны быть предметом публичного обсуждения, иметь четкую поэтапную программу.

— А чем, на ваш взгляд, социология может реально быть необходима власти? Какие ее научные результаты (не считая зачастую очень спорных результатов экзит-полов) социология может дать власти и обществу, чтобы способствовать демократии?

— Я считаю нашу дисциплину (в отличие от социальной философии) не гуманитарной, а социальной наукой, которая может работать достаточно точными методами (конечно, не такими, как математика) и поэтому давать некоторое вероятностное знание. На мой взгляд, лучше иметь вероятность 70 к 30 (что ты можешь ошибиться в 30 % случаях и быть правым в 70 %), чем идти по пути проб и ошибок 50 на 50. Я думаю, что социология как наука способна обеспечить некоторое превосходство положительного прогноза хотя бы с этой вероятностью 0,7. Хотя любое серьезное социологическое исследование должно включать и количественные и качественные методы: надо начинать исследование с качественных методов, а заканчивать количественными.

— Евгений Иванович, поскольку это интервью в первую очередь для российской аудитории и поскольку мы говорим о политике, хотелось бы услышать ваше мнение и о российском обществе. Например, как вы думаете, почему на выборах в Государственную Думу в декабре 2011 г. КПРФ получила почти 20 % голосов? Это ностальгия по прошлому?

— Этот результат — скорее всего, вторичная реакция российского общества, не удовлетворенного действующей властью. В России сам по себе силен традиционно-общинный коллективный дух, живуча идея великой державы. Нынешняя российская партия власти в значительной мере поддерживает в массовом сознании идеи восстановления географического, политического и духовного пространства на всей постсоветской территории под эгидой России. Однако те же идеи, только в коммунистическом обличье, пропагандирует КПРФ. Поэтому те избиратели, кто обладает традиционно-общинным сознанием, голосуют за КПРФ, т. е. за идею великой, общинной страны, где нет вопиющего неравенства. Но это не означает, что вся Россия такая... Кстати, разница в результатах думских и президентских выборов в России это подтверждает.

На мой взгляд, проблема в том, что сегодня в России доминирует брежневская идея стабильности, перенесенная на современную почву. Интеллигенция ушла либо в себя, на кухню, либо в Интернет. Их кухня трансформировалась в русский Интернет. Посещаемость выборов снижается. Я считаю, что в массе своей разочарованный и недовольный избиратель ушел либо в электоральную пассивность, либо отдал голоса коммунистам, а не вышел с протестами в поддержку либералов. Это некий традиционный протест. Тем более, в России велика ностальгия по Советскому Союзу.

— *Каковы в вашем понимании перспективы у российской демократии? Есть ли точки пересечения в развитии Украины и России, или они уже достаточно сильно разошлись? Как вам видится сценарий будущего развития двух стран?*

— У самой России есть множество разных перспектив. К слову, россияне после первого прихода Путина во власть почти перестали приглашать меня в Россию на конференции, поскольку я им об этих перспективах говорил не очень приятные вещи. Прежде всего, я откровенно говорил, что у России и Украины разные пути. Им легко спорить с нашими авантюристами, но трудно с ученым.

Но есть один путь, который у Украины с Россией может быть общим. Есть знаменитый тезис Бжезинского о том, что с Украиной Россия может стать империей, а без Украины не может. Поэтому задача Запада — затащить Украину в Европу любой ценой, чтобы не было воспроизводства угрозы для Запада со стороны новой империи. У меня другая мысль. Я считаю, что Россия с Украиной может стать западной страной, а без Украины не сможет. Если представить согласованную стратегию России идти на Запад, то это возможно только с Украиной. Украина — это не только труба, по которой перегоняют газ, это естественный мост на Запад, естественное продолжение западной цивилизации. В противном случае Россия останется евразийским государством, не имеющим шанса стать единой частью европейского пространства. Но я не вижу оснований, почему России не стать в будущем демократической страной. Это было бы в интересах обеих стран.

— *А как вы относитесь к высказываемой иногда на Украине идее, что для успешного построения в ней гражданского общества надо поскорее оторваться от России. Вы с этим согласны?*

— Я согласен в том, что нужно постараться установить паритетные отношения. Но Украина своей некомпетентностью и корыстолюбием в энергетических вопросах привязывает себя к России. Только наша вина в том, что мы требуем преференций и вынуждены идти за это на политические уступки. Если бы мы обеспечили нормальное функционирование своей экономики, то это было бы возможно. Так что первопричина в нас самих, а не в России.

— *Верите ли вы в демократическое будущее России?*

— Сложный вопрос. Это было бы в интересах Украины. Жизнь покажет, как будут складываться дела. Как социолог я не верю в ближайшую демократическую перспективу России, но как человек я хочу верить хотя бы в ее отдаленную демократическую перспективу. Я не вижу оснований, почему России не стать в будущем демократической страной.

— *Вернемся собственно к социологии. Поскольку, как вы сами отметили, сегодня пути развития постсоветских стран пролегают по своим тра-*

екториям, это отразилось и на социологии. В России не слишком много знают о современной украинской социологии. Как бы вы ответили на вопрос о том, чего украинская социология достигла на пути самостоятельного развития? И чем отличается от российской социологии?

— Первое достижение украинской социологии — ее полная институционализация как науки. Сегодня социология преподается во многих вузах Украины, что позволяет готовить профессиональных социологов. В советское время даже такой специальности, как социология, у нас не существовало.

Далее, у нас создан институт социологии Национальной Академии наук Украины, открыты специализированные факультеты и кафедры социологии в ведущих университетах страны. Создана активно действующая Социологическая ассоциация Украины, которая является членом Международной социологической ассоциации (кстати, в отличие от России, у нас только одна такая ассоциация и не существует таких противоречий, как в российской социологии). С 1997 г. выходит свой научный социологический журнал «Социология: теория, методы, маркетинг».

Но самое главное достижение, наверное, состоит в том, что социология вышла на подлинно международный уровень. Украинские социологи стали участниками многих международных исследовательских проектов, включая очень престижные. Так, еще в 1990-е гг. Украина присоединилась к сравнительным исследованиям ценностей (Центр «Соціальний моніторинг» Ольги Балакиревой) и к международному сравнительному проекту американского социолога Мелвина Кона (Киевский международный институт социологии, руководители Владимир Паниотто и Валерий Хмелько). С 2004 г. Институт социологии (под моим руководством) подключился к проекту «Европейские социальные исследования» (сегодня уже идет четвертый этап этих исследований). Кстати, это единственный обществоведческий проект, который получил очень престижную в Европе премию Декарта. В нашем журнале опубликовано много интересных материалов, написанных по результатам этого проекта. Отдел социальных структур Института социологии (руководитель Сергей Макеев) участвует в Международной программе социальных исследований (ISSP). В этом я вижу огромное отличие от советского времени, когда профессиональные связи с социологами других стран, особенно Запада, были очень ограниченными и подконтрольными. Теперь ситуация радикально изменилась, мы активно взаимодействуем с коллегами из разных стран, следуем тем же стандартам, что и они (чего не было в советское время).

Таким образом, украинская социология развивается не только как прикладная дисциплина, но и как подлинно теоретическая наука.

— *А какие собственные научные достижения в социологии, полученные в годы украинской независимости, вы бы отметили?*

— В теоретическом плане, полагаю, мне удалось развить теоретические подходы к пониманию ряда процессов, которые изучают украинские ученые в последние 20 лет.

Так, работая на стыке социологии и социальной психологии, я дал собственную психолого-социологическую интерпретацию массового психологического феномена социальной амбивалентности украинского общества. Без понимания этой амбивалентности было бы очень трудно разбираться в перипетиях нынешнего развития общества, начиная от его элит, постоянно борющихся за власть, и кончая массами, ожидающими перемен к лучшему. Я считаю предложенную теоретическую интерпретацию своим вкладом в развитие украинской социологии.

В методологическом плане, совместно с Натальей Паниной была разработана концепция мониторингового типа исследований. Эта работа началась в Институте социологии в 1992 г. Между прочим, данный мониторинг социальных изменений — единственный пример того, как социологические исследования действительно стали элементом общественного обсуждения на Украине. Про мониторинг говорилось с самых высоких трибун власти, его материалы используются в ряде государственных проектов.

Для методического обеспечения мониторинга совместно с Н. Паниной был разработан интегральный индекс замера социального самочувствия (ПСС). Были разработаны другие методические инструменты, социальные показатели, которые активно используются для отслеживания в динамике развития социальных процессов и явлений в украинском обществе (демократия, свободная экономика, правовое государство, благосостояние граждан и др.).

— *Успехи украинской социологии, как вы их представили, включая ваши личные достижения, впечатляют. Однако вряд ли это означает, что у украинской социологии нет проблем. По крайней мере, российские коллеги постоянно жалуются на свои проблемы — материальные, организационные, есть трудности и у белорусских социологов. Что бы вы сказали в этом отношении об украинской социологии?*

— Действительно, проблемы есть. Главная из них — к социологии мало прислушиваются украинские власти. Они больше ориентированы на информацию из источников, близких к самой власти, но далеких от науки. К сожалению, пока нет такого заказчика социологической информации, который мог бы ее использовать в формировании социальной государственной политики. Однако, на мой взгляд, в отношении власти к науке ничего не изменилось по сравнению с советским периодом, ничего нового я не вижу. Как и раньше, у государства

нет денег на науку, нет интереса к объективным результатам социологов*.

Отсюда вторая проблема — социологи сами мало участвуют в публичных дискуссиях, в обсуждении социальных проблем страны, а если и участвуют, то как полстеры, т. е. те, кто замеряет рейтинги разного рода через опросы, а не как собственно представители научной социологии. Поэтому статус социологов недостаточно высок, наука мало

* Интервью было проведено в октябре 2011 г. в Киеве. В те дни там проходил съезд Ассоциации политических психологов Украины, в которой Е.И. Головаха является вице-президентом.

Однако полгода спустя, в марте 2012 г., произошло событие, взбудоражившее всю общественность Киева и превратившее Головаху, по мнению местных журналистов, из известного ученого-социолога в знаменитость. Головаха дал журналистам информацию о вопиющем факте — вызове Ученого совета Института социологии в полном составе на допросы в СБУ (служба безопасности). Журналисты подхватили эту историю, поместили на сайте повестку СБУ со списком лиц, вызванных на допрос, где между прочим имя Е.И. Головахи стояло первым. Поводом для повестки стало открытие уголовного дела о хищении почти миллиона гривен сотрудниками госструктуры, по заказу которой социологи Центра социальных экспертиз (дочернее предприятие Института социологии) провели исследование, положительную научную оценку которому и дал — по своим функциональным обязанностям «принимать ответственные решения о качестве научных исследований» — Ученый совет Института социологии. Члены Ученого совета были вызваны для дачи свидетельских показаний, что не противоречит украинскому законодательству, однако это было сделано в столь ультимативной форме, какая недопустима, по мнению Головахи, в отношении ученых как части гражданского общества. Тем более речь шла не о самом институте, а о возможной причастности к «злоупотреблению служебным положением», кроме госчиновников, должностных лиц Центра социальных инициатив.

Благодаря гражданской смелости ученого на следующий день, когда он пришел на допрос, у здания СБУ его уже ждали журналисты, готовые оказать ученым публичную поддержку. И действительно: мужество социолога и вмешательство СМИ, широкая огласка такой «формы диалога» власти с учеными возымели действие. Очень скоро скандал замяли: последовала реакция президента Виктора Януковича, который назвал действия СБУ непрофессиональными и потребовал от службы взвешенных подходов.

Институт социологии оставили в покое. Однако скандал позволил Е.И. Головахе еще раз проявить свою гражданскую позицию и привлечь общее внимание к тому факту, что украинские власти одинаково пренебрежительно относятся к гражданскому обществу независимо от того, о каких его группах идет речь — лидерах политической оппозиции, ученых или негосударственных общественных организациях.

представлена в общественных дискурсах, она не участвует в принятии политических решений. Даже само преподавание социологии как обязательной дисциплины, закрепленное в 2001 г., было позднее отменено. Это говорит о непонимании властью огромной роли социального знания в современном обществе. Поэтому вместо того, чтобы руководствоваться научными правилами в управлении обществом, власть часто действует методом проб и ошибок, представляя общество механическим агрегатом с рычагами, а не живым социальным организмом. Но эти рычаги зачастую не работают, а научных методов управления общественными процессами наши управленцы, не изучавшие социологию, не знают.

— *Таким образом, вы ратуете за ту роль социолога в обществе, которую Майкл Буравой называет публичной ролью или функцией? Бесспорно, на этом поприще вы лично задаете высокие образцы — постоянно выступаете в киевской прессе, известны неподкупностью в суждениях. Наверняка, ваши публикации читают сотни тысяч украинцев, вы влияете на их сознание, расширяете их политический кругозор.*

— Я оцениваю свою роль скромнее. Я делаю то, что считаю необходимым для ученого, особенно социолога, вношу свой вклад в решение проблем.

Но продолжу о проблемах украинской социологии. Третья проблема, и весьма актуальная, — настоятельная необходимость профессиональных стажировок для социологов в лучших мировых центрах. Такие стажировки нужны и для тех, кто только учится, и для практиков. Это проблема государственной важности, решение которой упирается в финансы. Однако про материальные проблемы я не буду даже говорить — они общеизвестны.

— *Что же, эта проблема хорошо осознается и даже решается в России. В Москве и Санкт-Петербурге уже немало вузов (в регионах тоже есть, но несравнимо меньше), которые имеют совместные программы подготовки специалистов с зарубежными вузами, молодые специалисты ездят на стажировки, публикуются за рубежом. Будущее покажет, сможет ли молодое поколение внести весомый вклад в развитие отечественной науки.*

— Я бы сказал, что они уже вносят научный вклад, надо только давать им возможность самовыражения, поддерживать в научном творчестве.

— *Как сегодня украинские социологи изучают общество и оценивают «общественную рефлексию»? Какие методы они в основном используют?*

— Среди социологов есть две точки зрения на оценку общественной рефлексии. Одни считают, что достаточно провести массовый опрос, узнать мнение людей — это и будет результат рефлексии. Другие говорят, что этого недостаточно. Мол, чтобы понять, как общество рефлек-

сирует о своем существовании, нам нужно изучать мнение общественных лидеров. Очень многие участники опросов при заполнении анкет выдают первую реакцию, которая никак не соотносится с их жизненной позицией. По результатам ряда украинских исследований выяснилось, что около 20 % респондентов отказываются отвечать, считают себя некомпетентными в самых простых вопросах. Потому, возможно, для изучения общественной рефлексии нужно изучать точку зрения лидеров общественного мнения: тех, кто обладает достаточным знанием, интересом к вопросу, имеет опыт рефлексии...

— *Ну, эту же проблему по отношению к Франции в свое время рассматривал Пьер Бурдьё. Помните, он говорил, что некомпетентность аудитории в делах, о которых задаются вопросы, блокирует как выявление реальных мнений, так и поиск решения, помимо того, что навязывают элиты. Так что это общая проблема опросов, другое дело — где и как она решается сегодня.*

— Мой опыт показывает, что у нас во многом рефлексия, массовое сознание и СМИ находятся в очень противоречивом и неоднозначном состоянии. С одной стороны, общественные настроения очень пессимистичны. С другой, страна существует, страна мирная, в ней происходят выборы, смена власти — демократическим путем... Много зависит от фокуса зрения социолога.

Однако поскольку украинское общество двойственно, мы не всегда высоко оцениваем даже наши большие достижения, в том числе демократию. Так, Всемирное исследование ценностей показало, что Украина чуть ли не последняя в списке стран по уровню счастья. Конечно, есть разные теории, объясняющие этот феномен. Я сторонник той теории, согласно которой в европейской культуре уровень счастья тесно связан с уровнем достояния и достижений. Это так называемая достигательная культура. И поскольку Украина находится в конце списка европейских стран по уровню благосостояния, украинцы дали очень низкую оценку своему уровню счастья. Надо понимать и правильно интерпретировать такие результаты исследований, не принимать их на веру. В то же время, за прошедшие двадцать с лишним лет и у нас наблюдается прогресс. Если в начале 1990-х по пятибалльной шкале уровень удовлетворенности жизнью находился на отметке 2, то в 2010 г. — 2,9. Это большой шаг вперед.

— *В чем, по-вашему, состоят проблемы самого украинского общества? Какие из них должны изучаться социологами прежде всего?*

— Таких проблем очень много. Собственно, они всем известны. Проблема в том, как помочь их решить, выявить динамику изменения той или иной проблемы. Например, с помощью мониторинга были выявлены изменения в социальном самочувствии граждан Украины

за 20 лет: если в 1990 г. 80 % людей были деморализованы, то в 2010 г. таких было всего 63 %. Как видим, социальное самочувствие существенно повысилось. А значит, и общество стало более стабильным. Это важный вывод.

Что касается развития демократии, то были выявлены противоречия в ее оценках. Вообще украинское общество очень противоречиво. Даже регионально оно сильно различается. Уже много раз отмечалось, что существует как бы две Украины — одна готова стать европейской страной, а другая вообще не готова к существованию как самостоятельная держава. И обе эти Украины — реальны. Социологам их надо изучать и понимать.

Социология может и должна изучать механизмы реформирования общества. Все наши исследования связаны с поиском эффективных средств и механизмов достижения каких-то целей. Будут ли реформы успешными, я не знаю. Однако социология уже показала, что для успеха реформ необходимы импульсы «снизу» и ответственность каждого (и власти, и исполнителей), связанная с пониманием того, что делаешь на своем месте.

— *Какие направления развития украинской социологии, на ваш взгляд, наиболее сильны?*

— Мы наиболее сильны в изучении социальных структур и социального неравенства, межэтнических отношений и толерантности. В области методологии и методики это мониторинг, организация массовых опросов, контент-анализ СМИ. У нас создан прекрасный и общедоступный архив данных, своя программа ввода и обработки данных. Конечно, это все относительно: мы в чем-то опередили российскую социологию, но в других вопросах можем отставать и от нее, и от западной социологии.

— *Существуют ли еще крупные украинско-российские социологические проекты?*

— Конечно. В качестве примера назову совместный сравнительный проект киевского и московского институтов социологии «Идентичность и толерантность в России и на Украине», проведенный в первом десятилетии нового века под руководством Л.М. Дробижевой и моим. Есть и другие проекты, хотя сегодня их больше с Западом, чем с Россией.

— *Расскажите, пожалуйста, подробнее о своем журнале «Социология: теория, методы, маркетинг». Он считается лучшим украинским социологическим журналом, высоко котируется за рубежом. Кем он финансируется?*

— Журнал возник в 1997 г. на украинском языке, а с 1999 г. выходит на двух языках. Он издается ежеквартально. Кроме того, есть обзорные номера на английском языке, цель которых — ознакомить с нашими

публикациями зарубежную аудиторию (эти номера обычно предназначены для презентации журнала нашим гостям). Мы печатаем как теоретические, методологические работы, так и результаты эмпирических исследований. К нашему счастью, журнал финансируется Академией наук Украины. Поэтому больше всего мы занимаемся не финансовыми проблемами, а вопросом качества публикаций. Статьи в журнале рецензируются. Как главный редактор, я вижу свою миссию в том, чтобы журнал способствовал повышению научного уровня нашего социологического сообщества. Наш журнал — единственное сугубо академическое издание по социологии на Украине, каждый ученый хочет в нем опубликоваться. Самое сложное в моей работе — отказывать коллегам, которые порой хотят напечатать плохую статью. У главного редактора есть большие возможности нажать себе всякого рода врагов и недоброжелателей. Очень трудно отказывать своим же коллегам, но иногда приходится. Ведь не секрет, что в целом качество научной работы в постсоветском сообществе (и в российском, и в украинском) упало. Особенно это заметно по методической культуре. Несмотря на то, что появилось больше методов анализа, сейчас многие социологи, работающие с количественными данными, не понимают, что делают. Иногда они работают с SPSS как попугаи, делают бессмысленные расчеты, а потом столь же бессмысленные выводы. В этом плане нашим социологам надо еще учиться культуре работы и культуре научных публикаций.

— *И последний, традиционный вопрос. Пожалуйста, расскажите о своих ближайших научных планах. И раскройте, если можно, секрет — вы оптимист или пессимист?*

— Начну со второго вопроса. Как все украинцы, в сиюминутном плане я пессимист: я вижу многие недостатки в развитии общества и социологии, критически их оцениваю. В долгосрочной же перспективе оптимист. Лет через 10–20 Украина может стать полноправной независимой страной, а украинская социология будет и дальше развиваться в форватере проблем глобальных социальных процессов.

Что касается научных планов, я уже упоминал, что наш институт проводит очередной (уже четвертый) этап в рамках международного европейского социального исследования. По результатам исследования мы будем сравнивать Украину со странами Европейского союза, чтобы разобраться, насколько мы отстаем от них, какие у нас шансы в ближайшие десятилетия вступить в европейское сообщество и т. д.

У меня есть и собственные научные планы. Во-первых, это методология изучения новых социальных феноменов. Новые социальные феномены часто ставят социологов в тупик. Так, например, за постсоветские десятилетия произошли колоссальные сдвиги в глобальном социальном измерении. Особенно это касается постсоветского соци-

ального пространства, в котором мы живем. Изучать эти изменения, новые явления — это важная задача.

Во-вторых, очень серьезные изменения происходят в личности. Я считаю, что наша самая главная беда не в общественных бедствиях, связанных с недостатком социальных макроструктур, а в несформировавшейся личности. Эта личность не способна управлять собой, а, следовательно, и обществом, в котором она живет, воздействуя на тех, кто этим обществом управляет, т. е. на власть. Поэтому так важно каждому сначала научиться управлять собой. Тогда и проблемы власти станут понятнее.

— *Большое вам спасибо за интервью! И новых успехов!*

Киев, октябрь 2011 г.

Интервью подготовила и провела Лариса Григорьевна Титаренко — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Белорусского госуниверситета (Минск)

Краткая библиография

Евгений Иванович Головаха родился в Киеве в 1950 г. Окончил факультет психологии Московского университета им. М.В. Ломоносова (1967–1972) и аспирантуру Института философии АН УССР (1973–1976). В 1976 г. защитил кандидатскую («Структура групповой деятельности. Социально-психологический анализ»), а в 1990 г. — докторскую диссертацию («Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи»). Доктор философских наук по специальности «прикладная социология» (1990), профессор (2007).

В разные годы являлся членом Комитета политической социализации и политического обучения Международной ассоциации политических наук, Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии, Американской ассоциации исследований личности и социальной психологии. Научные работы опубликованы в Украине, России, США, Великобритании, Франции, ФРГ, Голландии, Швейцарии, Венгрии, Израиле, Польше, Беларуси. Рецензии на работы опубликованы в научных журналах России, США, Польши, Чехии, Венгрии.

Автор многочисленных статей и интервью в СМИ и научно-популярных изданиях, один из основных социологов, активно участвующих в экспертных дискуссиях в ведущих СМИ. В течение ряда лет являлся членом Общественного совета экспертов по внутривластным вопросам, Комиссии по содействию демократизации и развития гражданского общества при Президенте Украины.

В настоящее время заведующий отделом истории, теории и методологии социологии, заместитель директора Института социологии НАНУ и главный редактор академического журнала «Социология: теория, методы, маркетинг».

Лауреат премии АН УРСР за лучшую работу в области социальных наук среди молодых ученых (1982).

Научные интересы: теория и методология социологии, социология политики и социальных трансформаций, социология личности, социальная психология. Общее число публикаций: 420.

Основные публикации

Монографии

Альтернативный социологический словарь.

Структура групповой деятельности: Социально-психологический анализ. (1979)

Психологическое время личности. (1984 — 1-е изд., 2008 — 2-е изд., в соавт. с А.А. Кроником)

Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. (1988)

Демократизация общества и развитие личности. (1992, в соавт. с И. Бекешкиной и В. Небоженко)

Стратегія соціально-політичного розвитку України. (1994)

Социальное безумие: история, теория и современная практика. (1994, в соавт. с Н.В. Паниной)

Трансформирующееся общество. (1996)

Sociology in Ukraine. (2000, соавт., отв. ред.)

Социологическая публицистика. (2001)

Tendencies in the Development of Ukrainian Society. (1994–2001)

Sociological Indicators. (2001)

Психология человеческого взаимопонимания. (2002, в соавт. с Н.В. Паниной)

Ukraine and Europe: Outcomes of International Comparative Sociological Survey. (2007, в соавт. с Н.В. Паниной, А. Горбачиком).

Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации. (2007, отв. ред. совм. с Л.М. Дробижевой)

Альтернативная философия. Словарь для неслужебного пользования. А–Я. (2008)

Social Changes in Ukraine and Europe: Outcomes of European Social Survey 2005–2007. (2009, в соавт. с А. Горбачиком)

Статьи

Головаха Е.И., Панина Н.В. Регуляция эмоций: к постановке вопроса о законе эмоциональной константности // Методологические проблемы оснований науки. Киев, 1986.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Критерии и принципы разумной организации жизни // Разумная организация жизни личности. Киев: Наукова думка, 1989. С. 88–104.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Рациональность поведения и эмоции // Рациональность и семиотика поведения. Киев: Ин-т философии АН УССР, 1989.

Головаха Е., Паніна Н. Досвід комплексного дослідження соціального самопочуття, психологічного стану, самооцінки здоров'я та радіобіологічних показників у зоні радіаційного забруднення // Сціальні наслідки чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–95 р.р.). Харків: Фоліо, 1996.

Головаха Е., Паніна Н. Соціальний резонанс і психологічний ефект гуманітарної медичної допомоги постраждалому населенню. // Сціальні наслідки чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986–95 р.р.). Харків: Фоліо, 1996.

Головаха Є, Паніна Н. Концептуальні засади вимірювання соціального самопочуття та психологічного стану потерпілого населення і постчорнобильська соціальна політика // Сціальні наслідки чорнобильської катастрофи (результати соціологічних досліджень 1986-95 р.р.). Харків: Фоліо, 1996.

Головаха Є.І., Паніна Н.В. Тенденції розвитку українсько-російських відносин у громадській думці України та Росії // Українсько-російські відносини: гуманітарний вимір, 1998.

Евгений Головаха. Толковый словарь постэкономического общества // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 3.

Валерий Ворона, Евгений Головаха, Наталия Панина. Общественное мнение и массовые настроения в России и Украине: до и после августовского финансового кризиса 1998 года // Социология: теория, методы, маркетинг. 1999. № 1.

Головаха Е.И., Панина Н.В. Двухязычие в Украине: реальное состояние и перспективы (результаты социологических исследований) // Российско-Украинский Бюллетень. 2000. № 6–7.

Евгений Головаха. Концептуальные и организационно-методические основы создания «Украинского социологического архива и банка данных социальных исследований» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2000. № 1.

Евгений Головаха. Альтернативный социологический словарь // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 3.

Евгений Головаха, Наталия Панина. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.

Николай Шульга, Наталья Панина, Евгений Головаха, Иосиф Зисельс. Эмиграция евреев в контексте общей миграционной ситуации в Украине // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 2.

Головаха Є., Паніна Н. Показники стилю життя особистості // Життєтворчість: концепція, досвід, проблеми. Запоріжжя: Центріон, 2004.

Евгений Головаха. Социологическое знание: специфика, критерии научности и перспектива развития // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 1.

Евгений Головаха. Сотрудничество социологов Украины и Польши: современное состояние и перспектива // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 1.

Евгений Головаха, Наталия Панина. Основные этапы и тенденции трансформации украинского общества: от перестройки до «оранжевой революции» // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 3.

Евгений Головаха. Кто и как создавал науку о природе и обществе: альтернативный словарь // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 2.

Евгений Головаха. Научная школа Юрия Левады о социокультурных изменениях в постсоветском обществе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2006. № 4.

Евгений Головаха. Общенаучный словарь для неслужебного пользования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 1.

Евгений Головаха, Андрей Горбачик, Татьяна Любивая, Наталия Панина, Виктория Серета, Ксения Урсуленко. Субъективная надежность: теория и метод измерения (ИСН) // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1.

Владимир Дубровский, Януш Ширмер, Уильям Грейвс-Третий, Евгений Головаха, Алексей Гарань, Ростислав Павленко. Движущие силы нежелательных реформ: уроки украинского переходного периода // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 1.